

Глава 31. Смертельная викторина в день лавины

Ли Цзяньчуань промолчал.

Он лишь молча застегнул обе куртки до самого подбородка и с легкой головной болью перехватил руку Нин Чжуня, которая уже намеревалась пробраться глубже под одежду. Юноша осторожно сжал его тонкое, костлявое запястье — не крепко, лишь бы обозначить запрет, не желая морозить спутника своим ледяным телом.

Однако Нин Чжунь, стоило его поймать, тут же перехватил ладонь Ли. Он накрыл его пальцы своими, бережно растирая замерзшие суставы. Его руки были мягкими, теплыми и какими-то пугающе нежными, отчего по коже Ли Цзяньчуаня пробежали странные, обжигающие мурашки. Эта внезапная забота со стороны обычно эксцентричного доктора заставила его почувствовать себя необъяснимо неловко.

Доктор Нин же, казалось, ничего не замечал. Он привалился к спине напарника, точно коала, и лениво усмехнулся, вскинув бровь:

— Что, насмотрелся на бесплатных красавчиков-любowników? Давай, выкладывай свои соображения. Насколько я помню, ты взял Магические ящики в двух последних партиях подряд. В этот раз сложность подскочила, и виноват в этом исключительно ты — задрал планку.

Услышав это, Ли Цзяньчуань с удивлением покосился на Се Чаншэна. Судя по тому, что демонстрировал Нин Чжунь, у самого доктора было всего два ящика, один из которых он заполучил в прошлой игре в роли Потрошителя.

Се Чаншэн, если не считать его короткой вспышки за обеденным столом в роли Номера Трех, всё остальное время оставался почти невидимым. В нем невозможно было заподозрить «матерого волка», прошедшего две игры подряд.

Се Чаншэн никак не отреагировал на слова Нина. Его тонкое, благородное лицо оставалось бесстрастным.

— В этой партии у каждого вошедшего игрока есть как минимум один Магический ящик, — негромко произнес он. — Эта игра создана специально для обладателей ящиков, так что повышение сложности вполне закономерно.

Нин Чжунь, похоже, не удивился.

— Ты тоже заметил?

Се Чаншэн кивнул:

— Никто из них не спешит убивать, чтобы воспользоваться правилом о трех выживших. Во внутреннем мире это можно было списать на нежелание раскрывать себя — ведь там смерть не окончательна. Но здесь, на поверхности, им незачем осторожничать. Это означает лишь одно: все они пришли сюда ради разгадки тайны. Улики, которыми они делятся — смесь правды и лжи. Ложь — это ловушка, правда — наживка.

— Номер Один, Номер Два и Номер Семь работают вместе, — холодным тоном продолжал Се Чаншэн. — Номер Шесть понял, что остался в изоляции, поэтому придет к нам сдаваться.

Ли Цзяньчуань внезапно почувствовал себя круглым идиотом. Как Се Чаншэн умудрился вычислить эти связи?

Он нахмурился, пытаясь восстановить в памяти общение между игроками. Номер Один — Чжэн Сян, любитель аналитики и вечный организатор. Номер Два — рыжеволосый юноша, который во внутреннем мире напал на Се Чаншэна и был им же «убит». Он казался импульсивным и недалеким, но на деле часто направлял общие беседы в нужное русло. Номер Семь — веснушчатый парень, который за ужином строил из себя врага Второго. Хитрая bestия.

Если они и впрямь заодно, как и троица Ли, то их актерскому мастерству можно было только позавидовать.

Впрочем, зацепки были. Чжэн Сян иногда проявлял к рыжему чрезмерную заботу, но делал это в своей манере «старшего брата», опекающего слабых, поэтому это не бросалось в глаза. Но если убрать из уравнения NPC, о которых Чжэн тоже «пекся», его внимание к Номеру Два становилось подозрительным. А был ли Номер Два действительно настолько глуп, чтобы пытаться убить Се Чаншэна прямо в лагере?

Вероятно, Чжэн Сян раздобыл какие-то сведения еще во время первой лавины и понял, что во внутреннем мире настоящей смерти нет. Поэтому он велел Второму прикинуться импульсивным дураком, чтобы прощупать Се Чаншэна. Причем нападение произошло именно тогда, когда Ли и Нин подошли к тому месту. Был ли кто-то еще поблизости, кто наблюдал за исходом схватки?

Способности некоторых игроков выходили за рамки воображения. Вполне вероятно, что именно тогда они поняли: Ли, Нин и Се — одна команда, и с тех пор Чжэн Сян со своими людьми начал играть против них. Позже Второй специально завел речь о невозможности смерти во внутреннем мире и перевел подозрения на Сяо Го, который проявлял к нему враждебность. Они разыграли спектакль, заставив всех поверить в их конфликт.

В общих обсуждениях вопросы Второго всегда подхватывались Седьмым и выворачивались под другим углом. На первый взгляд всё выглядело логично, но они планомерно ставили под сомнение саму теорию разделения на внешний и внутренний миры. Ли Цзяньчуань тогда чувствовал фальшь, но списывал это на недостаток информации у других.

Но если они — команда... Значит, они не «недопонимали», они сознательно вводили остальных

в заблуждение. Их цель — Магический ящик.

Что касается Номера Шесть, Сунь Чана... Ли подозревал, что тот осознал свое положение «одинокого волка» только после выхода из тоннеля. Во внутреннем мире он ничем не выделялся, но стоило им оказаться на поверхности, как его взгляд изменился. Он заговорил о времени. Возможно, он тоже владеет какой-то ключевой информацией. Он инстинктивно держался подальше от Чжэн Сяна и его людей — он раскусил расклад в этой партии.

Осознав связи между этими людьми, Ли Цзяньчуань почувствовал себя хаски, случайно затесавшимся в стаю волков. Ему казалось, что он должен быть не в игре, а где-нибудь на скамейке запасных. Звание «главного недотепы» в этой партии определенно принадлежало ему.

— Хочу спросить, — Ли Цзяньчуань с тяжелым вздохом поднял голову, встречая взгляды Нина и Се. — В каждой партии этой игры... приходится так издеваться над своими волосами?

Он многозначительно посмотрел на шевелюру Се Чаншэна, чьи волосы из-за того, что были слишком тонкими, казались совсем редкими.

Се Чаншэн промолчал.

— Конечно нет, — откашлявшись, пояснил Нин Чжунь. — Сложность частично зависит от количества ящиков у игроков, а частично — от чистого везения. К тому же не во всех мирах интеллект решает всё. Бывают задания, которые не требуют ломать голову, но они куда более пугающие, полны странных феноменов или иных трудностей. Не переживай.

Он коснулся щекой коротких, жестких волос Ли. В его спокойном, холодном голосе послышались нотки едва сдерживаемого смеха. Ли вскинул брови, желая услышать больше, но Нин Чжунь уже сменил тему:

— Если Сунь Чан решит переметнуться, он скоро будет здесь. Но времени у нас в обрез. С момента получения сообщения по спутниковому телефону прошло два часа. Из шестичасового лимита на голосование осталось всего две трети.

Се Чаншэн, поняв намек, достал из кармана листок и протянул доктору. Это была страница, вырванная из блокнота, на которой розовым маркером были аккуратно выписаны с десятков зацепок и догадок.

— Это мои текущие улики и предположения, — сухо произнес Се.

Нин Чжунь быстро пробежал глазами текст, вытащил из кармана Ли зажигалку и сжег бумагу. В его миндалевидных глазах отразилось пляшущее пламя.

Вдыхая запах горелой бумаги, он произнес:

— Кое-чего еще не хватает. Но исходя из нашего опыта, я уже могу дать некоторые объяснения.

Его теплое дыхание щекотало ухо Ли Цзяньчуаня. Тот немного расслабился, сосредоточившись на словах напарника. Голос Нин Чжуня был безупречен — чистый, как звон драгоценных камней, и от природы холодный. Когда он хотел соблазнить, он делал его низким и мягким, точно песня сирены, завлекающей добычу. Но сейчас он был предельно логичен и бесстрастен, а легкая ирония в тоне только добавляла его словам убедительности. Если вкратце — Ли Цзяньчуаню чертовски нравилось его слушать.

— Забудем пока о планах Номера Один и его группы. Давайте разберем эту игру с самого начала.

Нин Чжунь перестал лениво виснуть на плечах Ли и выпрямился, его тон стал серьезным.

— Сначала мы входим в игру и попадаем на первый ужин. В его реальности сомневаться не приходится. Мы получили там много информации, но ключевыми я считаю четыре момента: жеребьевка команд, отмена второго ужина, неизбежность лавины и приказ вернуться живыми. Затем — ночь отдыха, жеребьевка, деление на отряды с NPC и, наконец, лавина. Эту лавину я называю точкой сопряжения.

— После нее мы, в состоянии, похожем на сон, частично добровольно, а частично по принуждению, спустились по подземной лестнице. Мы прошли через первые ворота из плоти и крови и очнулись перед вторыми — воротами циклов. Это подтверждается словами каждого из нас. Первые ворота у всех были одинаковыми, вторые же — индивидуальными, связанными с личными обстоятельствами. Мы сами заперли себя в них.

— Важно: то пробуждение и было нашим спасением после лавины. Мы нашли под снегом замерзшие тела наших двойников. Именно тогда большинство начало сомневаться — живы ли они сами и их товарищи? И именно через ту подземную лестницу мы попали во внутренний мир. Там мы получили сообщение от Хань Шу и сделали выбор в течение шести часов.

— Когда срок истек, всех игроков вытянуло на ужин. Хань Шу вел себя так, будто мы застряли в петле, ключом к которой было голосование. Но позже мы выяснили, что ужин был фальшивым. И там фальшивый Хань Шу подкинул нам несколько двусмысленных подсказок.

— Прошла еще одна ночь. На следующий день жеребьевка изменила составы команд. Именно тогда я заподозрил неладное. Если это замкнутый цикл, то почему результаты жеребьевки изменились? Улик не было, и я продолжал склоняться к версии о петле, но начал пристальнее следить за NPC. А потом случилась вторая лавина.

— Снова под снегом, снова подземная лестница. Но первые ворота исчезли, а вторые —

поглотили нас. Снова трупы, но на этот раз в снегах Южной горы лежали члены «Южной» команды из первого состава. После этого мы вернулись в лагерь обсуждать голосование. Но, честно говоря, это был тычок пальцем в небо. Мы даже не понимали истинного значения этой викторины. Что бы мы ни выбирали, мы не видели результатов, обещанных в сообщении. Ни продолжения восхождения, ни гибели всей группы.

— Тогда я понял: дело не в голосовании. Хань Шу, как распорядитель, не может менять правила, и фальшивый Хань Шу ограничен тем же. В поддельной версии он лишь повторял действия настоящего, у него не было власти рассылать сообщения. Раз сообщения реальны, значит, реально и голосование. Фальшивым было всё остальное вокруг нас. И есть одна деталь, которую вы двое упустили.

Голос Нин Чжуня внезапно стих. Ли Цзяньчуань и Се Чаншэн одновременно почувствовали себя учениками, которые получили «неуд» и теперь слушают разбор ошибок. Стало необъяснимо стыдно.

Обведя их взглядом, Нин Чжунь сухо произнес:

— Всё во внутреннем мире является зеркальным отражением внешнего. Как в зеркале. Снежные горы, камни, лагерь, каждая травинка — всё перевернуто слева направо. Мы не заметили этого, потому что сами стали «отраженными», а воля гор постепенно затуманивала наш разум. Я догадался об этом, когда в первый раз увидел свой труп. Ночью я вскрыл ему грудную клетку и убедился: сердце покойника находилось с правой стороны.

Нин Чжунь произнес это так обыденно, будто говорил о погоде. Но Ли Цзяньчуань содрогнулся: выбраться посреди ночи в ледяную пустошь, чтобы препарировать собственного двойника... на такое способен не каждый.

Впрочем, это напомнило Ли об одном моменте. После первой лавины, когда они разбили лагерь в горах, он ночью слышал звуки разрезаемой плоти и какой-то странный хруст, похожий на жевание. Тогда в дозоре были Сунь Чан, веснушчатый парень и один из NPC. Кто из них был к этому причастен? Или всё-таки...

Ли Цзяньчуань погрузился в раздумья.

— Второе голосование, — продолжал Нин Чжунь. — Естественно, когда фальшивые шесть часов истекли, мы вернулись в цикл. До этого Се Чаншэн убил Второго. Это доказывает, что Чжэн Сян и компания тоже кое-что поняли. Они знали, что внутренний мир фальшив, и догадывались, что там нельзя умереть. Мы решили найти брешь, проголосовали за «Южных», разоблачили рукотворный цикл и вернулись к подземной лестнице. К тому моменту мы проголосовали трижды. И в тоннеле поняли: вторые врата — это инверсия причины и следствия, хаос временных линий. Оказавшись на поверхности и сопоставив всё увиденное, я пришел к двум выводам.

Разбор полетов подошел к кульминации. В голосе Нина звучала абсолютная, пугающая

уверенность.

— Вывод первый. Ключ к этой игре — перевернутая временная линия. Наша задача — разорвать эту петлю. NPC во внутреннем мире заставляли нас голосовать, чтобы предопределить исход реального голосования на поверхности. После трех туров мы стали им не нужны, и они нарочно оставили зацепки, чтобы выгнать нас сюда. Это значит, что настоящая разгадка — и настоящая смерть — ждут нас только здесь. Поверхность скрывает тайну куда более глубокую, возможно, связанную с самой сутью этих гор.

— Вывод второй: внутренний мир — это зеркальное отражение поверхности. Нас удерживали там, во-первых, ради результатов голосования, а во-вторых, потому что тем существам, что пришли нам на замену, нужно было время, чтобы окончательно закрепиться в этой реальности.

Ли Цзяньчуань вздрогнул:

— Тем существам?

— Тем самым трупам, замороженным под снегом, — Нин Чжунь холодно усмехнулся. — Или, если угодно, монстрам из Магических ящиков.

В этот момент Се Чаншэн внезапно нахмурился:

— Талисман уничтожен. Сунь Чан не придет.

Ли Цзяньчуань мгновенно понял, что это значит. Сунь Чан сделал свою ставку. И выбрал он не их.

— Скверно, — свет в глазах доктора потускнел. Он выпрямился, невольно опираясь рукой на плечо Ли, и коротко улыбнулся: — Что ж, идем в горы. Посмотрим, на чью голову обрушится эта «лавина».

В это же время четверо мужчин, полностью экипированных для восхождения, уже вошли в зону вечных снегов.

— Осталось три часа и двадцать минут. Мы обязательно найдем Врата из плоти и крови первыми.